

Alfred
DÖBLIN
1878 – 1957

Альфред
ДЁБЛИН

*Берлин
Александрплац*

История Франца Биберкопфа

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Д 25

Alfred Döblin
BERLIN ALEXANDERPLATZ
First published in 1929 by S. Fischer Verlag, Berlin
Copyright © 2008 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main
All rights reserved

Перевод с немецкого
Герберта Зуккау, Александра Маркина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-22698-2

© Г. А. Зуккау (наследник), перевод, 2023
© А. В. Маркин, перевод (дополнения),
примечания, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Эта книга повествует о бывшем берлинском цементщике и транспортном рабочем Франце Биберкопфе. Его выпустили из тюрьмы, где он сидел за старые дела, и вот он снова в Берлине и хочет стать порядочным.

Вначале это ему удается. Но затем, хотя материально ему живется сносно, он оказывается вовлеченным в упорную борьбу с чем-то, что приходит извне, что непостижимо и похоже на судьбу.

Трижды обрушивается оно на нашего героя¹ и ломает его жизненный план. Оно наступает на него мошенничеством и обманом. Но тут он еще справляется, он держится на ногах.

Тогда оно наваливается на него и бьет подлостью. Тут ему уже трудно подняться, силы его уже на исходе.

Наконец, оно ударяет в него миной с неслыханной, чудовищной жестокостью.

Теперь наш стойко державшийся до последней минуты герой окончательно сломлен. Он считает игру проигранной и не знает, как быть дальше, его песенка, по-видимому, спета.

Он уже готов радикально покончить с этим миром, когда у него способом, о котором я пока умолчу, снимают с глаз пелену. Ему становится совершенно ясно, из-за чего все так вышло. А именно — из-за него самого, да это же сразу видно, из-за его жизненного плана, который был ни на что не похож, и вот теперь вдруг выглядит совсем иным, не простым и почти понятным, а высокомерным и наивным, дерзким, но вместе с тем малодушным и бессильным.

Страшная штука, какой была его жизнь, приобретает смысл. Франц Биберкопф подвергся принудительному лечению. В конце мы видим его снова на Александрплац, сильно изменившимся, покалеченным, но зато уж выправленным.

Посмотреть и послушать все это стоит многим, которые, подобно Францу Биберкопфу, пребывают в человеческой шкуре и которым, как и этому Биберкопфу Францу, случается порой требовать от жизни нечто большее, чем только сытое существование².

*Книга первая*¹

В начале ее Франц Биберкопф покидает тюрьму в Тегеле², куда привела его прежняя беспутная жизнь. Ему трудно снова устроиться в Берлине, но в конце концов это ему удастся, чему он немало рад, и он дает себе клятву быть порядочным человеком.

На 41-м номере в город³

Он стоял за воротами тюрьмы в Тегеле⁴, на свободе. Вчера еще он копал картошку вон там на огороде⁵, вместе с другими, в арестантском платье, а теперь он в желтом летнем пальто⁶; те там продолжают копать, а он свободен. Он пропускал трамвай за трамваем, прислонясь спиной к красной ограде, и не уходил. Караульный у ворот несколько раз прошел мимо него и указал ему нужный номер трамвая, но он не двигался с места. Итак, страшный момент наступил (страшный, Франц, почему страшный?)⁷, четыре года истекли. Черные железные створы ворот, на которые он поглядывал вот уже целый год с возраставшим отвращением (отвращением, почему отвращением), захлопнулись за ним. Его снова выставили вон. Оставшиеся внутри столяричили, что-то лакировали, сортировали, клеили, кому-то сидеть еще два года, кому-то пять лет. А он стоял у остановки трамвая.

Наказание начинается⁸.

Он передернул плечами, проглотил слюну. Наступил себе на ногу. А затем собрался с духом и очутился в трамвае. Среди людей, ну давай! Вначале было такое ощущение, будто сидишь у зубного врача, который ухватил щипцами корень и тащит, боль растет, голова готова лопнуть. Он повернул голову назад, в сторону красной ограды, но трамвай понесся с ним по рельсам, и только голова его осталась еще повернутой по направлению к тюрьме. Вагон миновал плавный поворот, — деревья и дома заслонили тюрьму. Показались оживленные улицы, Зеештрассе⁹, люди входили и выходили. В нем что-

то в ужасе кричало: берегись, берегись, начинается. Нос у него окоченел, щеки пылали. «Цвёльф-ур-миттагсайдтунг»¹⁰, «Бе Цет»¹¹, последний номер «Иллюстрирте»¹², «Функштунде»¹³, — «Кто еще без билета?». Вот как, шу-по¹⁴ теперь в синих мундирах. Никем не замеченный, он вышел из трамвая, смешался с толпой. В чем дело? Ничего. Держись, изголодавшаяся свинья, не распускайся, не то дам понюхать моего кулака. Что за толчея, что за давка! Как все это движется! Мои мозги, вероятно, совсем высохли. Чего тут только нет: магазины обуви, магазины шляп, электролампочки, кабаки. Ну да, нужна же людям обувь, раз им приходится столько бегать, у нас ведь тоже была сапожная мастерская, не надо забывать. Сотни блестящих оконных стекол. Ну и пускай себе сверкают, нечего их бояться, ведь любое можно разбить, просто они чисто вымыты. На Розенталерплац¹⁵ мостовая была разворочена, он шел вместе с другими по деревянному настилу. Стоит только смешаться с остальными, и все хорошо, и ничего не замечаешь, дружище. В витринах красовались манекены, в костюмах, в пальто, в юбках, в чулках, в башмаках. На улице все пребывало в движении, но за этим — не было ничего! Не было — жизни! У людей веселые лица, люди смеялись, ждали по двое или по трое у трамвайной остановки напротив ресторана Ашингера¹⁶, курили папиросы, перелистывали газеты. И все это стояло на месте, как фонарные столбы, и цепенело все больше и больше. Все это вместе с домами составляло одно целое, все — белое, все — деревянное.

Его охватил испуг, когда он шел по Розенталерштрассе¹⁷; в кабачке у самого окна сидели мужчина и женщина: они лили себе в глотку пиво из литровых кружек, ну и что ж, пусть себе пьют, пьют — только и всего, у них в руках были вилки; они втыкали ими куски мяса себе в рот¹⁸, и — хоть бы капелька крови. Судорогой свело его тело, ох, я не выдержу, куда деться? И что-то отвечало: это — наказание!

Вернуться он не мог, так далеко он заехал на трамвае, его ведь выпустили из тюрьмы, он должен был идти сюда, все дальше и дальше.

Это я знаю, вздохнул он про себя, что мне надо идти сюда и что меня выпустили из тюрьмы. Меня ведь не могли не выпустить, потому что наступил срок; все идет своим чередом, и чиновник выполняет свой долг. Ну я и иду, но мне не хочется, ах, боже мой, как мне не хочется.

Он прошел по Розенталерштрассе мимо универсального магазина Тица¹⁹ и свернул направо, в узкую Софиенштрассе²⁰. Подумал, что эта улица темнее, а где темнее, там лучше. Арестантов содержат в изоляторе²¹, в одиночном заключении и в общих камерах. В изоляторе арестант содержится круглые сутки, непрерывно, отдельно от других заключенных. При одиночном заключении арестант помещается в одиночной камере, но во время прогулки, учебных занятий и богослужения имеет общение с другими. Вагоны трамвая продолжали грохотать и звонить, и один фасад дома тотчас же сменялся другим. А на домах были крыши, которые как будто парили над ними, глаза Франца блуждали поверху: только бы крыши не соскользнули²², но дома стояли прямо. Куда мне, горемычному, идти; он плелся вдоль сплошной стены домов, она казалась бесконечной. Вот я дуралей, отсюда же можно выбраться, еще пять минут, десять минут, а потом выпить рюмку коньяку и посидеть. После звонка заключенные немедленно приступают к работе. Прерывать ее разрешается только для приема пищи, прогулки и учебных занятий в назначенное время. На прогулке заключенные должны держать руки вытянутыми и размахивать ими вперед и назад.

Вот дом, Франц оторвал взор от мостовой и толкнул входную дверь; из груди его вырвалось печальное ворчливое ох-хо-хо. Он засунул руки в рукава, так, братец, так, здесь не замерзнешь. Раскрылась дверь со двора, и кто-то прошел мимо, волоча ноги, а затем остановил-

ся за ним. Франц закричал, ему нравилось кричать. Первое время в одиночке он всегда так кричал и радовался, что слышит свой голос, значит есть еще что-то, значит не все еще кончено. Так поступали многие из сидевших в изоляторе, кто — в начале заключения, кто — потом, когда чувствовали себя одинокими. Вот они и покрикивали, это было как-никак что-то человеческое и утешало их. Итак, наш герой стоял в вестибюле чужого дома и не слышал ужасного шума улицы, и не было перед ним обезумевших домов. Выпятив губы и стиснув кулаки, он хрюкал и подбадривал себя. Его плечи в желтом летнем пальто были приподняты, как бы для защиты.

Незнакомец остановился рядом с бывшим арестантом и стал его разглядывать. «С вами что-то случилось? Вам нездоровится? У вас что-нибудь болит?». Тот, заметив его, сразу же перестал кричать. «Или вас мутит? Вы живете в этом доме?» Это был еврей с большой рыжей бородой²³, низенького роста, в черной велпоровой шляпе, с палкой в руке. «Нет, я здесь не живу». Пришлось уйти, а ведь в вестибюле было недурно. И опять потянулась улица, замелькали фасады домов, витрины, спешащие человеческие фигуры в брюках или светлых чулках, да такие все быстрые, юркие, ежесекундно новые, другие. А так как наш Франц на что-то решился, он зашел в проезд одного дома, где, однако, как раз стали отпирать ворота, чтоб пропустить автомобиль. Ну, тогда скорее в соседний дом, в тесный вестибюль рядом с лестницей. Здесь-то уж никакой автомобиль не помещает. Он крепко ухватился за столбик перил. И, держась за него, знал, что намерен уклониться от наказания (ах, Франц, что ты хочешь сделать? ведь ты же не сможешь!) и непременно это сделает, теперь он знает, где искать спасения. И тихонько снова завел свою музыку, свое хрюканье и урчанье, и не пойду я больше на улицу. А рыжий еврей тоже зашел в дом, но сначала бы-ло не заметил человека возле перил. Потом услышал его

жужжанье. «Ну что вы тут делаете? Вам нехорошо?» Тогда Франц пошел прочь, во двор. А когда взялся за ручку двери, то увидел, что это опять еврей из того дома. «Отстаньте вы от меня! Что вам нужно?» — «Ну-ну, ничего. Вы так кричите и стонете, неужели нельзя спросить, что с вами?» А вон там, на улице, уж опять маячат дома, снующая взад и вперед толпа, сползающие крыши. Франц распахнул дверь во двор. Еврей — за ним: «Ну-ну, в чем дело? Не так уж все плохо. Ничего, не пропадете. Берлин огромен. Где тысячи живут, проживет и еще один».

Двор темный и окружен высокими стенами. Франц остановился возле мусорной ямы. И вдруг во всю глотку запел, прямо в стену. Снял шляпу, как шарманщик. Звуки отражались от стен. Это было хорошо. Его голос звенел у него в ушах. Он пел таким громким голосом, каким ему ни за что не позволили бы петь в тюрьме. А что он пел так, что стены гудели? «Несется клич, как грома гул»²⁴. По-военному четко, ритмично. А затем припев: «Ювиваллераллера»²⁵, из другой песни. Никто не обращал на него внимания. У выхода его подцепил еврей: «Вы хорошо пели. Вы в самом деле очень хорошо пели. С таким голосом, как у вас, вы могли бы зарабатывать большие деньги». Еврей пошел за ним по улице, взял под руку и, без умолку болтая, потащил вперед, пока они не свернули на Горманнштрассе²⁶, еврей и ширококостый, рослый парень в летнем пальто и со стиснутыми губами, словно его вот-вот вырвет желчью.

Он все еще не пришел в себя

Еврей привел его в комнату, где топилась железная печка, усадил на диван: «Ну, вот мы и пришли. Присаживайтесь. Шляпу можете оставить на голове или снять, как вам угодно. А я сейчас кого-то позову, кто вам понравится. Дело в том, что сам я здесь не живу. Я здесь

только гость, как и вы. Ну и как это бывает, один гость приводит другого, если только комната теплая».

Тот, кого недавно выпустили на свободу, остался сидеть один. Несется клич, как грома гул, как звон мечей и волн прибой. Да, ведь он ехал на трамвае, глядел в окно, и красные стены тюрьмы были видны за деревьями, осыпался желтый лист. Стены все еще мелькали у него перед глазами, он разглядывал их, сидя на диване, разглядывал не отрываясь. Большое счастье — жить в этих стенах, по крайней мере знаешь, как день начинается и как проходит. (Франц, не собираешься же ты прятаться, ведь ты уже четыре года прятался, приободрился, погляди вокруг себя, когда-нибудь должна же эта игра в прятки кончиться!) Петь, свистеть и шуметь запрещается. Заключенные должны по сигналу к подъему немедленно встать, убрать койки, умыться, причесаться, вычистить платье и одеться. Мыло должно отпускаться в достаточном количестве. Бум — колокол — вставать, в пять тридцать, бум — в шесть отпирают камеру, бум, бум — становись на поверку, получай утреннюю порцию, работа, перерыв; бум, бум, бум — обед, эй ты, не строй рожи, у нас не на убой кормят, кто умеет петь, выходи вперед, явиться на спевку в пять сорок, я, дозвольте доложить, не могу петь — охрип, в шесть камеры запираются, спокойной ночи, день прошел. Да, большое счастье жить в этих стенах, мне-то здорово припаяли, почти как за предумышленное убийство, а ведь было только убийство неумышленное, телесное повреждение со смертельным исходом, вовсе не так ужасно, а все-таки я стал большим подлецом, негодяем, чуть-чуть не хватило до законченного мерзавца.

Старый, высокого роста, длинноволосый еврей, черная ермолка на затылке, давно уже сидел напротив него. В городе Сузе жил некогда муж по имени Мардохей, и воспитал он у себя в доме Эсфирь, дочь своего дяди, и была эта девушка прекрасна лицом и станом²⁷. Старик-еврей отвел глаза от Франца и повернул голову в сторо-

ну рыжего: «Откуда вы его выкопали?» — «Да он бегал из дома в дом. А на одном дворе остановился и стал петь». — «Петь?» — «Да, солдатские песни». — «Он, верно, озяб». — «Пожалуй». Старик принялся его разглядывать. В первый день Пасхи лишь неверные могут хоронить покойника, на второй день могут хоронить и сыны Израиля, то же верно и для первых двух дней Нового года²⁸. А кто автор следующих слов учения Раббанан²⁹: кто вкусит от павшей птицы чистой, тот не осквернится, но кто вкусит от ее кишок или зоба, тот осквернится?³⁰ Длинной желтой рукой он дотронулся до руки Франца, лежавшей поверх пальто. «Послушайте, не хотите ли снять пальто? Ведь здесь жарко. Мы люди старые, зябнем круглый год, а для вас тут слишком жарко».

Франц сидел на диване и искоса поглядывал на свою руку; он ходил по улицам из двора во двор, надо же было посмотреть, что делается на свете. И ему захотелось встать и уйти, глаза его искали дверь в темной комнате. Тогда старик силой усадил его обратно на диван. «Да оставайтесь же. Куда вам, собственно, спешить?» Но ему хотелось прочь. А старик держал его за кисть руки и сжимал ее, сжимал: «Посмотрим, однако, кто сильнее, вы или я. Оставайтесь, раз я вам говорю, — и, переходя на крик, — а вы все-таки останетесь. И выслушаете, что я скажу, молодой человек. Ну-ка, держитесь, непоседа». Затем обратился к рыжему, который схватил Франца за плечи: «А вы, вы не вмешивайтесь. Разве я вас просил? Я с ним и один справлюсь».

Что этим людям нужно от него? Он хотел уйти, он пытался подняться, но старик вдавил его в диван. Тогда он крикнул: «Что вы со мной делаете?» — «Ругайтесь, ругайтесь, потом будете еще больше ругаться». — «Пустите меня. Я хочу прочь отсюда». — «Что, опять на улицу, опять по дворам?»

Тут старик встал со стула, шумно прошелся взад-вперед по комнате и сказал: «Пускай кричит, сколько

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Пролог]	5
----------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

На 41-м номере в город	9
Он все еще не пришел в себя	13
Поучение на примере Цанновича	16
Неожиданный финал этого рассказа, который восстановил душевное равновесие человека, выпущенного из тюрьмы	23
Настроение бездеятельное, к концу дня значительное падение курсов, с Гамбургом вяло, Лондон слабее	29
Победа по всему фронту! Франц Биберкопф покупает телятину	36
А теперь Франц клянется всему миру и себе, что останется порядочным человеком в Берлине, с деньгами или без них	43

КНИГА ВТОРАЯ

Франц Биберкопф отправляется на поиски, надо зарабатывать деньги, без денег человек не может жить. Кое-что о горшечном торге во Франкфурте	61
Лина задает ходу гомосексуалистам	76
Хазенхейде, «Новый мир», не одно, так другое, и не надо делать себе жизнь тяжелее, чем она есть	87
Франц — человек широкого размаха, он знает себе цену ...	100
Вот он какой, наш Франц Биберкопф! Под статью античным героям!	112

КНИГА ТРЕТЬЯ

Вчера еще на гордых конях	123
Сегодня навылет прострелена грудь	128
А завтра в сырой могиле, нет, мы сумеем воздержаться	134

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Горсточка людей вокруг Алекса	143
Биберкопф под наркозом, Франц забился в нору, Франц ни на что не желает глядеть	149
Франц бьет отбой, Франц играет обоим евреям прощальный марш	152
Ибо с человеком бывает как со скотиною; как эта умирает, так и он умирает	159
Беседа с Иовом, дело за тобой, Иов, но ты не хочешь	169
И у всех одно дыхание, и у человека нет преимущества перед скотиною	173
У Франца открыто окно, ну и забавные же вещи случаются на свете	175
Гоп, гоп, гоп, конь снова скачет в галоп	188

КНИГА ПЯТАЯ

Встреча на Алексее, холод собачий, в следующем, 1929 году будет еще холоднее	197
Некоторое время — ничего, передышка, дела поправляются	206
Бойкая торговля живым товаром	214
Франц задумывается над торговлей живым товаром, и вдруг ему это дело больше не нравится, ему хочется чего-нибудь другого	224
Местная хроника	229
Франц принимает пагубное решение, он не замечает, что садится в крапиву	234
Воскресенье, 8 апреля 1928 года	242

КНИГА ШЕСТАЯ

Чужое добро идет впрок	266
Ночь с воскресенья на понедельник, понедельник, 9 апреля	271
Францу не сделан нокаут, и ему никак не сделают нокаута	284
Воспрянь, мой слабый дух. Воспрянь и крепче встань на ноги	290
Третье завоевание Берлина	293
Платье делает человека, а у нового человека и глаза новые	297
У нового человека и голова новая	303
Новому человеку нужна и новая профессия, а не то можно обойтись и без всякой профессии	311
На сцене появляется и женщина, Франц Биберкопф снова укомплектован	315
Оборонительная война против буржуазного общества	326
Дамский заговор, слово предоставляется нашим милым дамам, сердце Европы не стареет	338
С политикой покончено, но это вечное бездельничанье гораздо опаснее	346
Муха выкарабкивается, песок с нее сыплется, скоро она опять зажужжит	354
Побатальонно, в ногу, с барабанным боем — вперед марш!	361
Кулак уже занесен	371

КНИГА СЕДЬМАЯ

Пусси Уль, наплыв американцев, как пишется по-немецки «Вильма»: через «ве» или через «фау»?	375
Поединок начинается! Стоит дождливая погода	382
Франц, Франц-громила, не лежит больше под автомобилем, а важно сидит в нем, он добился своего ..	389
Горести и утехы любви	399

Виды на урожай блестящи, впрочем, иной раз можно и ошибиться	408
Среда, 29 августа	418
Суббота, 1 сентября	426

КНИГА ВОСЬМАЯ

Франц, ничего не замечает, и все идет своим чередом	443
Дело идет к развязке, преступники не поладили между собой	452
Присматривайте за Карлушкой-жестянщиком, с ним что-то творится	454
Дело налаживается, Карлушка-жестянщик засыпается и выкладывает все	460
И обратился я вспять, и узрел всю неправду, творимую на земле	472
И были это слезы тех, кто терпел неправду, и не было у них утешения	478
И восхвалил я тогда мертвых, которые уже умерли	480
Крепость осаждена со всех сторон, делаются последние вылазки, но это только для виду	486
Завязывается бой. Мы летим к черту в пекло, летим с музыкой	494
На Александрплац находится полицейпрезидиум	501

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Черные дни для Рейнхольда. Впрочем, эту главу можно и пропустить	513
Психиатрическая больница в Бухе, арестантский барак ...	521
Виноградный сахар и впрыскивание камфары, но в конце концов в дело вмешивается кто-то другой	528
Смерть поет свою унылую, протяжную песнь	535
И вот Франц слушает протяжную песнь Смерти	542
Здесь надлежит изобразить, что есть страдание	551

Отступление злой блудницы и триумф великого заклателя, барабанщика и громовержца	552
Лиха беда начало	554
Отчизна, сохрани покой, не влипну я, я не такой	557
В ногу — левой, правой, левой	562
Примечания. <i>А. Маркин</i>	568
Экранизации	692
Список сокращений	693

Дёблин А.

Д 25 Берлин Александрплац : История Франца Биберкопфа : роман / Альфред Дёблин ; пер. с нем. Г. Зуккау, А. Маркина (дополнения). — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 704 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22698-2

Новаторский роман Альфреда Дёблина (1878–1957) «Берлин Александрплац» сразу после публикации в 1929 году имел в Германии огромный успех. А ведь Франц Биберкопф, историю которого рассказывает автор, отнюдь не из тех, кого охотно берут в главные герои. Простой наемный рабочий, любитель женщин, только что вышедший из тюрьмы со смутным желанием жить честно и без проблем. И вот он вновь на свободе, в Берлине. Вокруг какая-то непонятная ему круговерть: коммунисты, фашисты, бандиты, евреи, полиция... Находить заработок трудно. Ко всему приглядывается наш герой, принаравливается, заново ищет место под солнцем. Среди прочего сводит знакомство с неким Рейнхольдом и принимает участие в одной сделке торговца фруктами — и судьба Франца вновь совершает крутой поворот...

Роман, кинематографичный по своей сути, несколько раз был экранизирован. Всемирное признание получила телефильм режиссера Райнера Вернера Фасбиндера (1980).

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

АЛЬФРЕД ДЁБЛИН
БЕРЛИН АЛЕКСАНДР ПЛАЦ
История Франца Биберкопфа

Ответственный редактор Елена Адаменко
Редактор Александр Маркин
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.02.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 31,02. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

A-AKB-31674-01-R